

УДК 903'15

Е.С. Богданов, Д.В. Кузнецов

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

ОРДОССКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ БРОНЗЫ

Введение

Сегодня в археологической науке существует много устоявшихся понятий и терминов, многозначность и условность которых вызывает бурные дискуссии. Проблема состоит не столько в подборе наиболее удачного названия для того или иного исторического феномена, сколько в корректном его использовании.

Термин “Ордос” в литературе неразрывно связан с термином “ордосские бронзы”, а в некоторых случаях используется как его синоним без должного осмысления, совершенно механически, без соответствующих пояснительных комментариев. Вместе с тем возможно абсолютно разное географическое, историческое и политическое толкования терминов “Ордос” и “ордосские бронзы”.

Древние бронзовые художественные изделия с территории Северного Китая привлекают внимание исследователей с конца XIX в. Уже в 1897 г. П. Райнеке в “Журнале этнологии” опубликовал статью “О некоторых связях древних китайцев с народами скифо-сибирского круга” [Reinecke, 1897, S. 5 – 7], в которой среди центральноазиатских древностей была выделена “северокитайская группа находок”. Однако широкую известность и популярность эти изделия приобрели лишь в 1920 – 1930-е гг., когда в поле зрения антикваров, востоковедов и археологов попали многочисленные материалы – результаты грабительских раскопок и случайных сборов в степях, простирающихся к северу от Великой Китайской стены. Именно они стали основой многих музейных собраний и частных коллекций. Однако эти прекрасные вещи, к сожалению, не имели никакой сопроводительной документации. Многие из них, если не большинство, были куплены на рынках в Пекине и других городов

Северного Китая. Вот как, например, собиралась коллекция И.Г. Андерссона для Стокгольмского музея дальневосточных древностей: “Поздней осенью 1920 года китайский собиратель Лиу, посланный в Ханан, чтобы продолжить собирать мою коллекцию, принес в мой кабинет огромную коллекцию из многих сотен топоров, ножей и других предметов... Лиу сообщил, что купил все это у жителей одной деревни... крестьяне которой находили эти предметы на своих полях и собирали для нас...” [Andersson, 1929, p. 154].

Среди огромного множества северокитайских древностей археологов-востоковедов особенно интересовали предметы “скифского облика”, выполненные в зверином стиле. В 1929 г. М.И. Ростовцев, учитывая условность термина “скифский”, предложил термин “срединно-азиатская группа” [1993, с. 58]. В том же году И.Г. Андерссон в своей работе о древних художественных изделиях с территории Северного Китая назвал их “суйюаньские бронзы” (по названию провинции в Китае) [Andersson, 1929, p. 145]. В 1930 г. Э.Х. Миннс посчитал, что правильнее называть их “ордосские бронзы” [Minns, 1930, p. 35]. В 1930-х гг. И.Г. Андерссон и Э.Х. Миннс предложили датировать ордосские вещи последними веками до династии Хань и ханьским временем [Minns, 1930, p. 36; Andersson, 1932, p. 272], М.И. Ростовцев, А. Сальмони и ряд других исследователей – последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры [Ростовцев, 1993, p. 57; Salmony, 1933, p. 41 – 42; Werner, 1934, p. 264]. Несмотря на то что все последующие исследователи приняли термины “ордосские бронзы”, до сих пор не ясно, в каком географическом, хронологическом и историческом диапазоне он может использоваться.

“Ордос” есть монгольское название страны, на юге смежной с китайской губернией Шань-си, а с прочих

трех сторон окружаемой Желтой рекой: почему на кит. языке сия страна называется *Хэ-нань* и *Хэ-тхао*. Первое из сих названий значит: по южную сторону Желтой реки; а второе: петля, или излучина Желтой реки” [Бичурин, 1999, с. 46]. Когда появилось само слово “ордос” не совсем ясно. Предположительно оно тюркское и сопоставимо со словами: “ордо”, “орда”, “орду”, переводимыми как “местопребывания владетеля”, “палатка хана”, “ханская ставка”, а также “все города, племена, дворцы и земли хана” [Там же, с. 279; Радлов, 1893, с. 1072 – 1074; Таскин, 1968, с. 132].

До середины XVI в. Ордос входил в состав разных провинций, областей и уездов Китайской империи и лишь “под властью чахар стал именоваться как отдельная страна” [Бичурин, 1960, с. 520 – 521]. В современном понимании Ордос – пустынное плато внутри большого изгиба р. Хуанхэ в автономном районе Внутренняя Монголия. Природно-географические и климатические условия Ордоса способствовали сложению на его территории особого типа хозяйства. Песчаные барханы с довольно хорошим травяным покровом, солончаковые луга в низинах и многочисленные мелкие озера с пресной водой были благоприятной средой для формирования кочевого скотоводства. Прекрасные пастбища, орошаемые р. Хуанхэ, позволяли населению этих мест без проблем переживать довольно суровые зимы. Поэтому неудивительно, что Ордос издавна служил местом постоянных кочевок разных племен. Первые достоверные письменные упоминания о северных соседях Китая встречаются в т.н. надписях на иньских гадательных костях, составленных примерно за 15 веков до нашей эры [Таскин, 1968, с. 6].

Будучи приграничной с Китаем территорией, Ордос являлся местом соприкосновения двух миров – кочевого и земледельческого. Подобная ситуация сопровождалась не только культурным взаимодействием, но и довольно частыми военными конфликтами. Потребность в ремесленно-земледельческой продукции и предметах роскоши заставляла кочевников постоянно совершать на Китай грабительские набеги. Поднебесная прилагала все усилия, чтобы обезопасить себя от “северных варваров”. Для этого на границе создавались военные поселения (в том числе из преступников), путем подкупа обеспечивалась лояльность местных князей.

Как уже отмечалось, территория Ордоса идеально подходила для ведения кочевого скотоводства. Кроме того, на склонах гор кочевники заготавливали лес, из которого строили жилища и делали утварь, стрелы и т.д. Естественно, они не хотели покидать это место. Для китайцев же Ордос не имел хозяйственного значения. “Жить среди озер и солончаков все равно нельзя”, – говорили они [Там же, с. 127]. Этот

район был важен для них с военной точки зрения, поскольку именно отсюда северные кочевники вторгались в Китай. Поэтому на этой территории Поднебесная создала особые округа – своеобразную буферную зону. Так, при династии Хань на отобранной у сюнну территории Ордоса был учрежден округ Шофан [Там же]. Однако приучить “варваров” к оседлости, привить им земледельческие традиции китайские сановники не смогли. Нельзя забывать также, что территорию Ордоса пересекали крупные торговые и миграционные пути. Постоянный приток нового населения создавал напряженность в регионе, что и выливалось в конечном итоге в регулярные боевые действия и междоусобные стычки.

В связи с довольно запутанной этнической и исторической ситуацией в регионе название “Ордос” в отечественной и зарубежной литературе очень часто распространяется и на регионы, которые географически к плато не относятся. Это скорее общее название, которое может обозначать большую или меньшую по протяженности территорию, в зависимости от того, о чем идет речь – об этнографии, физической географии или политических границах государств. Его применение в столь широком контексте с точки зрения археологии можно объяснить тем, что часть памятников, принадлежавших “северным варварам”, а также большое количество случайных находок обнаружены вне Ордосского плато. Многие исследователи под “Ордосом” подразумевают область распространения бронз “ордосского типа”. Китайские ученые выделили три группы культур: в автономном округе Нинся – тип Янлан, во Внутренней Монголии – тип Маоцингоу, в районе Пекина – тип Юйхуанму (или Цзунтушан) [Кан Ин Ук, 1999, с. 379]. Еще один очаг распространения бронз “ордосского типа” выявлен в Южном Китае [Комиссаров, 1996, с. 120 – 122]. Однако в данном случае, на наш взгляд, уместно вести речь не о бронзах “ордосского типа”, а о распространении скифо-сибирского звериного стиля и его локальных вариантах в Китае и Внутренней Монголии. Другое дело, что проникновение скифо-сибирских традиций в Китай, по-видимому, началось именно с территории Ордоса (западная часть Внутренней Монголии). Не случайно именно там обнаружен наиболее ранний памятник – Таохунбала, где впервые в данном регионе проявились скифо-сибирские традиции [Комиссаров, 1988, с. 100]. Именно в погребальных комплексах на территории Ордоса и близ лежащих районов в ходе раскопок в 1960 – 1980-е гг. китайскими археологами было обнаружено большое количество предметов “скифского облика”, не связанных с декоративной и монументальной скульптурой и живописью ханьского Китая. Эти находки наглядно продемонстрировали связь культур скифо-сибирского круга с Ордосом. Плато Ордос, как

указывает С.С. Миняев, “традиционно считается прародиной сюнну, они появились там после 209 г. до н.э.” [1991, с. 116], а их первые контакты со скифским древним искусством происходят на рубеже III – II вв. до н.э. [Миняев, 1995, с. 133]. А.А. Ковалёв называет IV в. до н.э. временем сложения определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая [1999, с. 81] и связывает это с племенами лоуфань и байян*. По мнению М.И. Артамонова, в Ордосе предметы, выполненные в скифосибирском зверином стиле, появляются благодаря юэчжам, которые до конца III в. до н.э. занимали степи Джунгарии и Восточную Монголию до Ордоса [1973, с. 122].

Не вдаваясь в детали дискуссии об этническом составе населения Внутренней Монголии в эпоху раннего железного века, отметим, что, по-видимому, уже в IV в. до н.э. на территорию Ордоса проникли народы, которые позже вошли в состав хуннского племенного союза. Эти процессы послужили импульсом для возникновения “ордосских бронз”. В задачи нашей работы не входит выяснение этнической принадлежности того или иного археологического памятника эпохи Хань. Приходится признавать, что даже в отношении ключевых для понимания этнической ситуации в регионе памятников больше вопросов, нежели ответов**.

В археологической литературе история Ордоса (как и история возникновения “ордосских бронз”) чаще всего тесно связывается с хуннским (гунно-сарматским) временем. Вместе с тем утверждается, что “существование этих предметов (ордосских бронз) занимает длительный хронологический промежуток – около тысячи лет – с карасукского до гуннского времени” [Кан Ин Ук, 1999, с. 379]. И хотя подобная формулировка принята в китайской и советской (российской) археологической литературе, она вряд ли

* Правда, совершенно непонятно, почему проникновение саяно-алтайских традиций в Ордос связывается автором с передвижением лоуфаней на запад. Логично было бы предположить продвижение каких-то племен из Южной Сибири в Северный Китай, а не наоборот, поскольку именно “пазырыкский стиль появляется в элитных комплексах Ордоса IV в. до н.э.” [Ковалёв, 1999, с. 81].

** В качестве примера можно привести точки зрения на этническую идентификацию могильника Сичагоу, впервые исследованного в 1956 г. в пров. Ляонин, уезд Сифэй. Первооткрыватель этого некрополя Сунь Шоудао связывает его с хуннами [1976, с. 25 – 35]; по мнению Цзэн Юна, некрополь принадлежал ухуаням [1980, с. 334 – 336]; У Энъ считает Сичагоу сяньбийским памятником [1987, с. 138], а Тянь Юнь предполагает, что могильник относится к Фуюй (Пуе) [1984, с. 29 – 34]. Интересно, что свои выводы китайские специалисты строят на результатах анализа погребального обряда, рассматривая при этом одни и те же предметы погребального инвентаря.

имеет под собой достаточно оснований, поскольку, говоря об “ордосской культуре бронзового века, которая складывается в XIII в. до н.э. (эпоха Шан) и достигает своего расцвета в XII – VI вв. до н.э. (эпоха Западная Чжоу)” [Тянь Гуанцзинь, 1983, с. 19], ученые имеют в виду комплекс вещей карасукского облика (в основном предметы вооружения), испытавших на себе влияние шанской культуры Центрального Китая. Почти все памятники эпохи бронзы, относящиеся к “культуре северных кочевых народов”, обнаружены за границами Ордоса – на территории провинций Ганьсу, Шэньси, Шаньси, Хэбэй и Хэнань (см.: [Членова, 1976, с. 60 – 65; 1993, с. 65; Варёнов, 1997, с. 170 – 175; 1999, с. 306 – 311]). Не отвергая идею о существовании в эпоху бронзы на севере Китая особого археологического микрорайона (отличающегося своими “северными чертами” от территории Центрального Китая), мы считаем не совсем корректным употребление термина “ордосские бронзы” применительно к вещам карасукского облика. Возможно, их лучше называть находками эпохи бронзы из Северного Китая.

Какие же предметы традиционно входят в состав “ордосских бронз”? Вот что пишет по этому поводу М.И. Артамонов: “Ордосские бронзы разнообразны и разновременны. В их числе – ножи, кинжалы, короткие мечи, секиры, крючки, цепи и застёжки, бляхи личного и конского убора, подвески, булавки, наперстки, статуэтки, котлы и тому подобные предметы. Они украшены различными изображениями, среди которых имеются как фигуры целых животных, так и только их голов, как в скульптуре, так и в рельефе, притом в различных сочетаниях” [1973, с. 122]. В сущности перечислены все категории погребального инвентаря из бронзы. Классическими образцами “ордосских бронз” Тянь Гуанцзинь называет оружие и украшения, выполненные в зверином стиле [1983, с. 9]. Однако «изделия карасукской эпохи и синхронных ей культур Внутренней Монголии и прочих юго-восточных областей не могут называться изделиями “звериного стиля”. К ним неприменим этот термин, приложимый исключительно к искусству ранних кочевников...» [Хлобыстина, 1970, с. 279]. Другими словами, кинжалы, ножи карасукского облика с рукоятями в виде звериных голов (с кольцевидными или шарообразными наперстками), а также секиры, наперстки, многочисленные скульптурные изображения из металла собственно “ордосскими бронзами” не являются.

Звериный стиль – преобладающий стиль искусства скифской и гунно-сарматской эпохи – чрезвычайно распространен от Средней Европы до Маньчжурии, преимущественно в степных и горных районах. Естественно, что его ареал можно разделить на районы или провинции, каждой из которых присущи некоторые специфические черты. Выделяя “ордосские

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. Ордосские художественные бронзы.

бронзы” как локальный вариант скифо-сибирского звериного стиля, необходимо помнить, что мы имеем дело в основном с художественными бронзами хуннского времени. Таким образом, ордосские **художественные** бронзы – это комплекс вещей скифского облика с территории Северного Китая, большая часть которого укладывается в хронологические рамки – IV – I вв. до н.э. Прежде всего это различные **поясные пластины**. Их можно разделить по типам:

I. Пластины с зооморфными сюжетами:

- 1) сцены борьбы (рис. 1, 1, 2);
- 2) сцены терзания (рис. 1, 3, 4; 2, 1, 2);
- 3) “геральдические” изображения животных (см. рис. 1, 5, 6; 2, 4, 5);
- 4) одиночные изображения животных (рис. 3, 5);
- 5) изображения эпического содержания (рис. 3, 1 – 3).

II. Пластины с геометрическим орнаментом (см. рис. 2, 3; 3, 4).

Подчеркнем, что по ряду орнаментальных особенностей, мотивам, специфике приемов композиции, манере “включать” тело зверя в пространство изображения на этих поясных пластинах отличаются от собственно китайских, относящихся к эпохе Хань. Поэтому, например, предметы из комплексов Наньфаньцуй, Тату 1987 г. [Ковалёв, 1999, с. 78, рис. 1, 10, 19], кургана “Короля Наньюэ” [Кан Ин Ук, Богданов, Леонтьев, 1999, с. 162, рис. 2, 4, 5], памятника Шицзышань [Богданов, 1999, с. 271, рис. 1, 1] и т.п. собственно “ордосскими бронзами” не являются, поскольку их орнамента указывает на китайское влияние и производство. Другая категория “ордосских художественных бронз” – разного вида пряжки и застёжки, предметы конского снаряжения, как с изображением животных, так и без них (см. рис. 3, 6 – 12).

Что касается вооружения (кинжалы, ножи) рассматриваемого периода, то это тема отдельного исследования. Огромный массовый материал позволяет провести его классификацию, однако не на основе

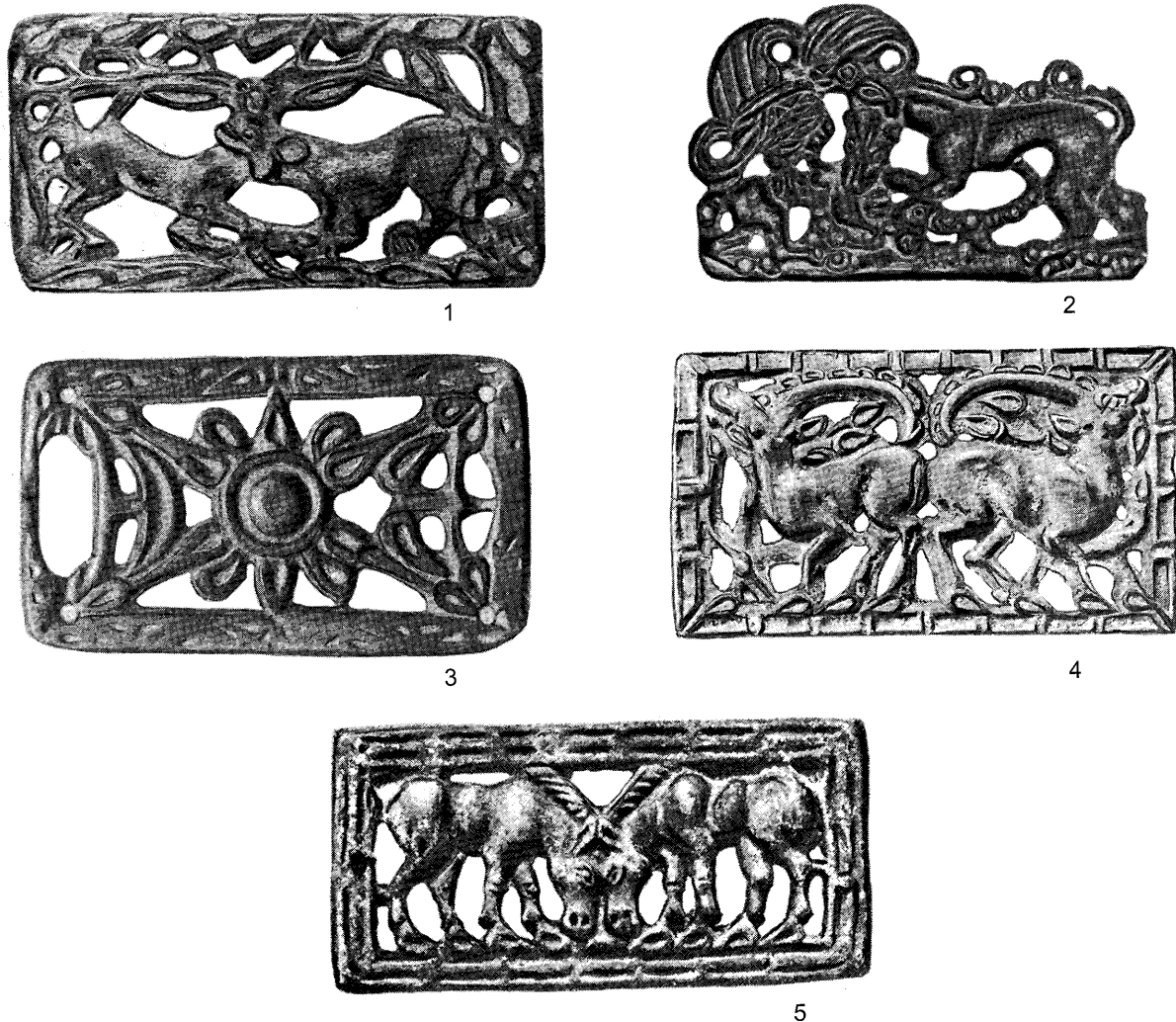

Рис. 2. Ордосские художественные бронзы.

территориального деления, а по хронологическому и морфологическому (оформление перекрестия, навершия, форма клинка и т.д.) признакам. Необходимо отметить, что кинжалы и ножи скифского облика появляются еще в VII в. до н.э., причем не только на территории Северного Китая, но и всего Центральноазиатского региона. Их появление и распространение не связано напрямую с населением Ордоса, скорее это результат его взаимодействия с носителями культур карасукского облика Южной Сибири. Вопрос о контактах этих культур является в настоящее время дискуссионным и требует отдельного рассмотрения, но уже за рамками настоящего исследования. Пока мы ограничимся замечанием, что подобные кинжалы и ножи не должны причисляться к «ордосским художественным бронзам», поскольку на это нет веских оснований.

Булавки (костыльки), подвески, бубенцы (колокольчики), бронзовые котлы на поддонах, трехлопастные наконечники стрел – своеобразные маркеры хун-

нской эпохи в Центральноазиатском регионе. Однако в методологическом плане эти вещи (как и кинжалы-акинаки) другого уровня классификации. На наш взгляд, более корректно утверждать, что по хронологии они скорее хуннские или скифские, чем, скажем, «ордосские». Выделение из общей массы предметов отдельных типов по территориальным признакам в данном случае не совсем уместно. Вероятно, часть этих предметов действительно сделана в Ордосе. «Различие в химическом составе поясных пряжек Забайкалья, с одной стороны, и Монголии и Ордоса – с другой, свидетельствует, видимо, о существовании в хуннское время на территории двух последних регионов нескольких самостоятельных металлургических очагов. ...но выделить их конкретно пока невозможно, т.к. серийные анализы бронз из археологических комплексов этих регионов неизвестны» [Миняев, 1980, с. 30]. Результаты спектрального анализа бронзовых вещей из коллекции Секлера, опубликованные Э. Банкер, подтверждают основные

Рис. 3. Ордосские художественные бронзы.

выводы С.С. Миняева [Bunker, 1997, p. 312 – 315]. Представляется, что работа по определению конкретных типов сплавов, применявшихся металлургами той или иной горнометаллургической области, а также изучение древних рудников в Южной Сибири, Монголии, на Алтае поможет уточнить содержание термина “ордосские бронзы”.

Заключение

1. Выделяя “ордосские бронзы” как локальный вариант скифо-сибирского звериного стиля, необходимо учитывать, что мы имеем в виду в основном **художественные** бронзы хуннского времени, поэтому предлагаем употреблять термин “ордосские художественные бронзы”.

2. Территориальные рамки “ордосских художественных бронз” предлагается ограничить Северным Китаем.

3. Основной массив “ордосских художественных бронз” укладывается в хронологические рамки IV – I вв. до н.э. (периоды Чжаньго – Западная Хань по китайской хронологии).

4. Вещи карасукского облика, а также предметы вооружения скифской и гунно-сарматской эпох в состав “ордосских художественных бронз” не входят.

Благодарности

Авторы работы выражают огромную признательность за ценные консультации С.В. Алкину, С.А. Комиссарову, Юй Сухуа, Кан Ин Уку.

Список литературы

- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. – Чебоксары: Чуваш. гос. кн. изд-во, 1960. – 758 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: ТОО “Жалын баспасы”, 1999. – Т. 3. – 352 с.
- Богданов Е.С.** Поясные пластины из Шицзышаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 269 – 275.
- Варёнов А.В.** Карасукские ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 170 – 175.
- Варёнов А.В.** Чаодаогоу и янхэ – памятники эпохи Шан-инь с ордосскими бронзами // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 306 – 311.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. – 1980. – Вып. Д4-7. – 36 с.
- Кан Ин Ук.** Проблема выделения кинжала “типа цинь” из ордосских комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 372 – 379.
- Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В.** Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // Древности Алтая. – 1999. – № 4. – С. 159 – 163.
- Ковалёв А.А.** О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V – III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 75 – 82.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с.
- Комиссаров С.А.** Поясные пластины “ордосского типа”, найденные на юге Китая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 120 – 122.
- Миняев С.С.** Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // САИ. – 1980. – Вып. Д4-7, прилож. – С. 29 – 36.
- Миняев С.С.** О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 108 – 120.
- Миняев С.С.** Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования “геометрического стиля” в искусстве сюнну // Археол. вести. – 1995. – № 4. – С. 123 – 135.
- Радлов В.В.** Опыт словаря тюркских наречий: Собр. в 4 т. – СПб.: Изд-во Импер. Академии наук, 1893. – Т. 1, ч. 2. – 637 с.
- Ростовцев М.И.** Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербург. археол. вест. – 1993. – № 5. – С. 57 – 75.
- Сунь Шоудао.** Обнаружение хуннского памятника Сичагоу // Каогу сюэбао. – 1976. – № 1. – С. 25 – 35 (на кит. яз.).
- Таскин В.С.** Материалы по истории сюнну. – М.: Наука, 1968. – 176 с.
- Тянь Гуанцзинь.** Археологические исследования хунну в районе Внутренней Монголии за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 7 – 24 (на кит. яз.).
- Тянь Юнь.** Анализ проблемы этнической принадлежности могильника Сичагоу // Хэйлунцзян вэньуцзункань. – 1984. – № 4. – С. 29 – 34 (на кит. яз.).
- У Энь.** К вопросу о различиях памятников хунну и сяньби эпохи Хань // Чжунго каогу сюэхуэй. – 1987. – № 6. – С. 134 – 140 (на кит. яз.).
- Хлобыстина М.Д.** Южносибирская торевтика в карасукских бронзах // Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1970. – Вып. 3: Сибирь и ее соседи в древности. – С. 271 – 279.

Цзэн Юн. Могильник Сичагоу в провинции Ляонин уезда Сифэй – ухуаньский памятник // Каогу. – 1980. – № 6. – С. 334 – 336 (на кит. яз.).

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербург. археол. вест. – 1993. – Вып. 4. – С. 49 – 75.

Andersson J.G. Der Weg über die Steppen // Bull. the Museum of Far Eastern Antiquities. – 1929. – № 1. – P. 143 – 165.

Andersson J.G. Hunting Magic in the Animal Style // BMFEA. – 1932. – Bull. 4. – P. 221 – 315.

Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections. – N.Y., 1997. – 401p.

Minns E.H. Small bronzes from northern Asia // Antiquaries journal. – 1930. – Vol. 10, N 1. – P. 34 – 38.

Reinecke P. Über Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des Skythish Sibirischen Volkerkreises // Zeitschrift für Ethnologie. – 1897. – Bd 29, H. 5. – S. 15.

Salmony A. Sino-Siberian Art in the Collection of C.T. Loo. – P.: C.T. Loo Publisher, 1933. – 119 p.

Werner J. Zur Stellung der Ordosbronzen // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – 1934. – Vol. 9. – P. 259 – 267.

Материал поступил в редколлегию 06.02.2001 г.